

RU

Преемственность между Томасом Харди и Эдвардом Томасом
как представителями «английской линии» поэтов

Талызина Е. В.

Аннотация. Цель исследования - показать принадлежность британских поэтов начала XX века Т. Харди и Э. Томаса традиции английской поэзии, опиравшейся на исконное, родное начало, которая противопоставляется космополитическому модернизму, а также выявить определённую преемственность между их произведениями. Научная новизна работы заключается в том, что в России, где Харди как поэт недостаточно известен, а творчество Томаса малоизвестно, их поэзия в таком ключе не рассматривалась. В результате показано, что оба поэта в своём творчестве опирались на родное и привычное, хотя прямо не противопоставляли себя модернизму, причём поэзия Харди в чём-то могла послужить примером для его младшего современника.

EN

Continuity between Thomas Hardy and Edward Thomas
as Representatives of the “English Line” of Poets

Talyzina E. V.

Abstract. The purpose of the study is to show that the British poets of the early XX century, T. Hardy and E. Thomas, belong to the tradition of the English poetry that was based on the authentic, native principle and is opposed to cosmopolitan modernism, as well as to identify certain continuity between their works. Scientific novelty of the paper lies in the fact that their poetry has not been considered in that light in Russia, where Hardy is not well known as a poet and Thomas's creative work is relatively unknown. As a result, it is shown that both the poets based their creative work on the native and familiar, although they did not directly oppose themselves to modernism, with Hardy's poetry potentially serving in some ways as an example for his younger contemporary.

Введение

XX век, ознаменованный в британской литературе «поэтическими войнами», завершился, и с исторической перспективы яснее видны их последствия. Со второй половины прошлого века стали привлекать внимание поэты, оставшиеся за рамками парадигмы модернизма. Переоценка вклада в развитие литературы таких поэтов, как Томас Харди (прежнее написание Гарди) (1840-1928) и Эдвард Томас (1878-1917) происходит до сих пор, чем объясняется актуальность данного исследования.

Указанная цель обусловила следующие задачи исследования: выявить черты так называемой «английской линии» поэтов в стихах Харди и Томаса, а также определить, можно ли говорить о преемственности между ними. Для этого в статье применялись сравнительно-сопоставительный и формальный методы исследования.

Теоретическую базу исследования составили труды британских литературоведов, в основном Дж. П. Уорда [19], П. Хауэрта [6], Д. Жерве [4] и канадского литературного критика У. Дж. Кита [7].

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно показывает место поэтов, не принадлежащих ни к какому определённому направлению, в британской поэзии XX века и помогает понять развитие британской литературы в целом.

Т. Харди и Э. Томас в контексте британской поэзии начала XX в.

Начало XX века в британской литературе прошло под знаком модернизма, который значительную часть века считался господствующим и важнейшим направлением в литературе того периода. Томас Харди (1840-1928) и Эдвард Томас (1878-1917) жили и творили в эпоху возникновения модернизма Т. С. Элиота и Эзры Паунда,

но остались «необращёнными» [6, р. 1]. Модернизм необратимо изменил британскую поэзию [Ibidem, р. 3], однако, по мнению Питера Хауэрта (Howarth), в ретроспективе становится ясно, что англоязычная поэзия XX в. в той же, если не в большей, мере обязана Томасу и Харди, как и модернистам, что можно заметить в творчестве таких крупных поэтов, как У. Х. Оден, Филип Ларкин, Шеймус Хини и Дерек Уолкотт [Ibidem, р. 2]. Современная влиятельная исследовательница творчества Томаса Эдна Лонгли считает этого поэта «недостающим звеном» между Харди и Ларкиным (если таковое имеется) [10, р. 113] (что не признаёт, например, Дэвид Жерве, считая вклад Томаса в поэзию – 140 стихотворений – слишком малым для этого [4, р. 41]).

Литературовед Гарри Кумс (Coombes) полагал, что Харди и Томаса нельзя отнести ни к какому поэтическому направлению [3, р. 146]. Однако в поэзии обоих можно заметить некоторое сходство с современными им поэтами-«георгианцами» [7, р. 110, 146]. А в творчестве Томаса исследователи находят нечто общее с модернистами [13, р. 2], например, его стихотворение “Health” («Здоровье») написано верлибром. Как литературный критик он написал благоприятную рецензию на один из первых поэтических сборников Паунда в 1909 г., но уже в том же году упрекал поэта в отсутствии ритма и злоупотреблении иноязычной лексикой [11, р. 30]. Что касается Харди, он будто бы сказал Роберту Грейвсу, что верлибр в Англии, возможно, бесперспективен [9, р. 53], заявив, что новой поэзии нет, просто новый поэт добавляет «новую ноту» [Цит. по: 19, р. 105].

Джон Пауэлл Уорд (Ward) считает, что такие поэты, как Харди и Томас, дали толчок критической реакции в конце XX в. на господствовавший в начале века модернизм. Но ещё до этой реакции, в 70-е годы, Дональд Дейви и Э. Лонгли предположили, что Харди в одном случае, а Томас и Фрост – в другом были таким же важным поэтическим звеном, как Элиот и Паунд [Ibidem, р. 103].

«Английская линия» поэтов и её отличительные черты

Через много лет после появления модернизма поэт Филип Ларкин попытался обнаружить английскую традицию, незапятнанную им [6, р. 5]. В свой сборник “Required Writing” («Обязательное письмо») он включил переоценки Харди и Томаса [Ibidem, р. 10]. Ларкин считал модернизм «отклонением» [Ibidem, р. 11], чьё иностранное «культурничество» [Ibidem] привело к тому, что поэзия потеряла свою аудиторию. Наоборот, не относящееся к модернизму, – это исконная традиция, идущая от Вордсворта и Джона Клэра через Харди, Томаса и Уилфреда Оуэна к самому Ларкину [Ibidem].

Эту восходящую к Вордсворту традицию Уорд называет «английской линией» поэтов, считая Харди и Томаса типичными её представителями. Такой поэзии, по его мнению, присуще несколько мрачное настроение; чувство присутствия хорошо знакомого и обыденного как того, на что можно положиться; тоска по прошлому, детству и по потерянному вообще. Поэзия отличается лиричностью, но в то же время субъективностью и обращённостью внутрь (стихи нередко кажутся как бы сотканными из мыслей и чувств [19, р. 3]), она часто пишется от первого лица, а главное, характеризуется простым языком [Ibidem, р. 4]. Место действия – это привычный пейзаж, «неэкзотическая местность, видимая из окна или во время прогулки» [Ibidem, р. 13]. «Английскость» (“Englishness”) поэзии заключается в словесной сдержанности и подозрительном отношении к визионерству и экстравагантности, чем обычно славилась англичане [Ibidem, р. 7]. Привычный пейзаж даёт некоторую уверенность, когда вы испытываете грусть или страх и когда присутствие хранящего вас божественного провидения ослабло [Ibidem, р. 13]. Природа в таком случае мыслится вечной [Ibidem, р. 14]. Как считает Уорд, в становлении поэзии «английской линии» немалую роль сыграли постепенная секуляризация мира и промышленная революция, изменившая и даже испортившая привычный пейзаж [Ibidem, р. 11]. По мере прогресса промышленной революции, всё больше угрожающей природе, тоска по прошлому и по потерянному раю становится в поэтах «английской линии» всё заметнее [Ibidem, р. 14].

Признаки «английской линии» в поэзии Т. Харди и Э. Томаса

Кажется, многое в поэзии Харди и Томаса соответствует «английской линии». Их стихи отличаются некоторой мрачностью. По мнению Ф. Р. Ливиса, Харди принял навязанное наукой заключение, что природа равнодушна к человеческим ценностям [9, р. 52-53]. Рефлексия Томаса заставляла его сомневаться в собственных творческих силах, что приводило к меланхолии. Харди, проживший большую часть жизни в викторианскую эпоху, принимал новые реалии не без сожаления о прошлом; его поэзия проникнута чувством, что старое время навсегда ушло [19, р. 106]. Стихи Томаса часто затрагивают темы воспоминания о безвозвратно ушедшем. Место действия большинства стихов обоих поэтов – знакомая сельская местность, английская глубинка. Что касается первого лица, то поэтическое «я» Томаса, по мнению У. Дж. Кита, – это практически всегда (кроме редких исключений) сам поэт, причём это «я», по сути, неизменно [7, р. 157]. Харди же всегда подчёркивал в предисловиях к своим поэтическим сборникам, что «я» в его поэзии – это поэтический приём, позволяющий ему давать изменчивую поэтическую перспективу [Ibidem, р. 98]. По словам самого поэта в предисловии к сборнику “Time’s Laughingstocks” (букв.: «Посмешища времени»), его стихотворения – это «драматические монологи различных персонажей» [5, р. 190], вплоть до телёнка, кролика, ящерицы и даже солнечных часов (см. [5]). Вероятно, исключением являются, например, стихи 1912-1913 гг., написанные в связи со смертью первой жены, где лирическое «я» максимально близко личности самого поэта.

Оба продолжали традицию Вордсворта, которому были многим обязаны (см., например, [7]). В сущности, они обеспечили непрерывность от романтизма до конца XX в. [19, p. 103]. Но, в отличие от Вордсворта, описывавшего величественные суровые пейзажи Озёрного края, их природа мягче, не так впечатляюща, это, в основном, так называемый «Южный край» (the South Country). В начале одноимённой книги Томас объясняет, что название взято из стихотворения Хилэра Беллока и относится к местности «к югу от Темзы и Северна и к востоку от Эксмур, и она включает... графства Кент, Суссекс, Суррей, Гемпшир, Беркшир, Уилтшир, Дорсет и часть Сомерсета» [18, p. 1-2] (здесь и далее, кроме указанных случаев, перевод автора статьи. – Е. Т.). У Томаса это прежде всего Гемпшир и Уилтшир, а у Харди – его родной Дорсет; впрочем, последние перечисленные пять графств составляют более широкий «Уэссекс» Харди [2, p. 36]. Это край пологих холмов, живых изгородей, доисторических курганов и древних дорог, заброшенных меловых карьеров, ветра, тумана и дождя. Помимо людей его населяют многочисленные пернатые обитатели: зяблики, зарянки, скворцы, трясогузки, грачи, камышницы, совы и, конечно же, дрозды и чёрные дрозды. Всё это встречается в стихах обоих поэтов. Оба умели обращать внимание на ничем не примечательное. Как говорит о себе Харди в стихотворении “Afterwards” («После меня»), “He was a man who used to notice such things” [5, p. 553]. / «Он всегда умел замечать подобные вещи», пер. Г. Кружкова [1, с. 421]. Эту фразу, возможно, в ещё большей мере можно отнести и к Томасу [7, p. 144].

Однако, как считает Д. Жерве, Вордсворт, являясь региональным писателем, тем не менее, мог связывать свою малую родину с целой страной; для него Англия была обществом, а не только «пейзажем» [4, p. 31]. Англия же Харди и Томаса слишком «узкая» [Ibidem, p. 41]. Более того, со скептической точки зрения, традиция от Харди через Томаса к Ларкину и далее к его преемникам может показаться постепенным «изгнанием из некоей потерянной Англии» [Ibidem, p. 39]. Это замечание в чём-то справедливо. Тем не менее, и Харди, и Томас в начале XX века ещё видели в английской сельской жизни непрерывность, некую связь времён и умели её показать. Например, в стихотворении “Naumaking” («Сенокос») Томас рисует почти вневременную гармонию человеческого труда и природы, когда косцы, их лошади и нехитрые орудия на фоне летнего сельского пейзажа кажутся вечными, будто сошедшими со старой картины. Более скромное, очень короткое стихотворение Харди “A Bird-Scene at a Rural Dwelling” («Сценка с птицами в сельском доме») описывает ежедневное перемещение птиц от дома в сад ранним утром, когда просыпаются жильцы, что происходит “for a hundred summers” [5, p. 701] / «уже сто вёсен» [1, с. 449]. Оба искали вечное, божественное в природе (см. ниже), подобно Вордсворту, однако, в отличие от последнего, с немалым скептицизмом. Из чувства постепенного разрушения природы человеческой деятельностью рождается то, что можно назвать «экологическим сознанием». В поздних стихах Харди можно обнаружить тему уничтожения природы: например, в стихотворении “Throwing a Tree” («Валка дерева») он называет рубщиков «палачами» (“The two executioners” [5, p. 857]). Считается, что Томас предвосхитил современную «эко-критику», его поэзия скорее «экоцентрическая», чем антропоцентрическая [17, p. 22], например, в стихотворениях “The Combe” («Овраг»), “The Hollow Wood” («Лес в лощине»), “The Mill-Water” («Мельничная вода»).

Общие черты и преемственность в творчестве Т. Харди и Э. Томаса

Джен Марш когда-то написала, что из его поэтов-современников Томас стоял ближе всего по духу к Харди [12, p. 200]. Действительно, между двумя поэтами можно найти немало общего. Прежде всего, это то, что оба они также были прозаиками. Как известно, в XIX веке Харди славился как романист, первый же его поэтический сборник, “Wessex Poems” («Уэссекские стихи»), вышел, когда автору было 58 лет [19, p. 106]. Томас при жизни был довольно известным и влиятельным литературным критиком, а также автором многочисленных прозаических книг: биографий, сборников очерков о сельской жизни и природе и т.д. Стихи же он писал около двух лет, во время Первой мировой войны, с 36 лет до своей гибели на Западном фронте во Франции. Майкл Кёркем (Kirkham) считает их писательский опыт в качестве прозаиков важным в формировании их поэтических стилей [8, p. 160]. Многие стихи Харди созданы на основе материала, собранного для романов, но не использованного [19, p. 121]. Материалом для стихотворений Томаса часто служили дневниковые записи и прозаические зарисовки (см., например, примечания Э. Лонгли к стихам поэта [17]). Первых читателей поэзии как Харди, так и Томаса неприятно удивляло «прозаическое» в их стиле [8, p. 158].

П. Хауэрт высказывает мысль, что Томас считал себя учеником Харди [6, p. 153]. Возможно, Харди в некоторой степени был примером для Томаса в использовании умалчивания, разговорного стиля и в не любви к бардическому и мифологическому языку, к которому питали склонность модернисты. Также можно обнаружить сходство Томаса с Харди в любви к народным песням и в изображении деревенских сцен и персонажей [13, p. 10].

В «Лобе» (квинтэссенции всего английского, если можно так выразиться) Томас заимствует имитацию крика чёрного дрозда “Pretty dear” («дорогая милашка») из «Весеннего крика» (“The Spring Call”) Харди. Первая строка «Свистульки» (“The Penny Whistle”) Томаса и «Ночи танцев» (“The Night of the Dance”) звучит очень похоже: у Томаса «Новый месяц висит как охотничий рог из слоновой кости» (“The new moon hangs like an ivory bugle” [17, p. 50]), у Харди «Холодный месяц подвешен к небу за свой рог» (“The cold moon hangs to the sky by its horn” [5, p. 231]). Несмотря на то, что Томас в биографии Ричарда Джеффриса (1909) приводит его цитату об изогнутом месяце, висящем на небе подобно охотничьему рогу [17, p. 173], сходство со стихотворением Харди не может не обращать на себя внимание, тем более, что, как отмечает П. Хауэрт, оба стихотворения сходны по размеру [6, p. 153].

Прежде чем стать поэтом, Томас был одним из первых литературных критиков первого десятилетия XX века, понимавших поэзию Харди [10, p. 114]. Так, в 1909 году он рецензировал поэтический сборник Харди

«Посмешища времени» [Ibidem, p. 252]. Также он высказывает своё мнение о стихах Харди в книгах “In Pursuit of Spring” («В погоне за весной», 1914) и “A Literary Pilgrim in England” («Литературный паломник в Англии», опубликованной посмертно в 1917 году). В последней он заявляет о своём предпочтении поэзии Харди его романам [15, p. 149].

Некоторые выражения, употребляемые им по отношению к поэзии Харди, можно отнести к стихам самого Томаса. Так, в статье в «Поэзии и драме» за июнь 1913 года он замечает, что «определённая неуклюжесть почти так же неизменна в его творчестве, как правда» [Цит. по: 8, p. 166]. Там же Томас называет поэзию Харди «непривычно вещественной» [Цит. по: Ibidem]. М. Кёркем считает, что эта «неуклюжесть» соответствует выражаемому чувствам [Ibidem, p. 164], а «непривычная вещественность», возможно, означает характерное для прозаика пристальное внимание к фактам и мыслям, причём оба отзыва можно отнести к отдельным стихотворениям Томаса [Ibidem, p. 166].

В рецензии на “Time’s Laughingstocks” Томас замечает: «Многие из его стихов повествовательные. Даже будучи лирическими, они подразумевают цепь событий» [Цит. по: 14, p. 166]. Он предполагает, что использованием лирической строфы для повествования, прерываемого диалогами, Харди создал новый жанр, промежуточный между личной лирикой и публичной народной песней, который можно назвать «повествовательной лирикой» [Ibidem]. Впоследствии Томас сам использовал эту форму в таких стихотворениях, как “Up in the Wind” («На ветру»), “Man and Dog” («Человек и собака»), “Wind and Mist” («Ветер и туман»), “As the team’s head-brass” («Латунный блеск на сбруе»).

В книге «В погоне за весной» Томас пишет, что «лес и вообще сельская местность дают мистеру Харди некоторые из его главных утешений» [16, p. 197], дальше сообщая о «суеверии» поэта [Ibidem], «что “комар-долгоножка, мотылёк и шмель” знают “земные секреты”, которые [Харди] не знает» [Ibidem] (в стихотворении “An August Midnight” («Полночь в августе»)). То же самое он говорит о «Дрозде в сумерках» (“The Darkling Thrush”), где «пение птицы зимой побуждает [Харди] подумать, что ей известна “какая-то Надежды весть” (пер. Г. Кружкова [1, с. 421]), неведомая ему» [16, p. 197]. Для самого Томаса природа была основным источником радости и тем, что можно назвать вечным и даже до некоторой степени сакральным (см., например, [8, p. 2-5]). Камышовки в одноимённом стихотворении Томаса (“Sedge-Warblers”) непрестанно повторяют то, «что ещё не узнал ни один человек» (“What no man learnt yet” [17, p. 90]). А “March” («Март»), описание холодного ненастного мартовского дня, когда солнце выглянуло почти на закате, поэтому у дроздов был лишь час для пения (“They had but an hour to sing” [Ibidem, p. 35]), кажется, перекликается с «Дроздом в сумерках»: “Something they knew – I also, while they sung” [Ibidem]. / «Что-то они знали – я тоже, пока они пели».

В «Литературном паломнике в Англии» Томас пишет об употреблении Харди местных названий: «Их наименьший эффект – гарантировать, что стихотворение стоит на земле тем, что оно коренится в Дорсетте» [15, p. 151]. В «Любе» Томаса, как сообщает У. Дж. Кит, действие происходит не просто в Уилтшире, но на определённой территории этого графства, где находятся все перечисленные в стихотворении деревни и другие географические объекты [7, p. 154].

В «В погоне за весной», говоря о Харди, Томас упоминает его «тираническую одержимость слепотой Судьбы, равнодушием Природы и незначительностью Людей, ползающих, во множестве, подобно гусеницам, которых там и сям толкает Имманентная Воля» [16, p. 194], чего он, очевидно, не может понять и принять. Однако сонет Томаса “February Afternoon” («Февральским днём») написан в духе Харди. Он повествует о неизменно повторяющихся природных циклах, равнодушных к человеку и его войнам, а в конце на небесах восседает придуманный людьми Бог, который слеп и глух, что звучит вполне в соответствии с приведённой выше цитатой. Э. Лонгли полагает, что на мировосприятие поэта могла повлиять война [17, p. 274].

Стихотворения “Out in the dark” (букв.: «Снаружи во тьме») Томаса и “The Fallow Dear at the Lonely House” («Лань у одинокого дома») Харди имеют нечто общее. В первом из них в снежную зимнюю ночь невидимо бродят детёныши лани со своей матерью, а кругом, когда в ночи не светит ни одна лампа, угрожающе надвигается тьма. В последней строфе делается заключение, что свет, вся видимая Вселенная, всё человеческое (“Love and delight” [Ibidem, p. 139] – букв.: «любовь и наслаждение») бессильны перед мощью ночи. Во втором – в снежную зимнюю ночь в деревенский дом кто-то невидимый (судя по названию, лань) заглядывает в щель между занавесками (“through the curtain-chink” [5, p. 598]), в то время как люди сидят у камина. Исследователи предполагают, что “Out in the dark” могло оказать влияние на Харди (читавшего стихи Томаса, вышедшие посмертно [17, p. 319]), чьё стихотворение было напечатано в сборнике 1922 г. Что же касается лексики стихотворения Харди, отмечается её необычность для автора, так же, как и виртуозность [7, p. 111]. С другой стороны, лексика и тон “Out in the dark” характерны скорее для Харди; по мнению Э. Лонгли, стихотворение написано в мрачных предчувствиях перед отправкой на фронт, когда легко можно было поверить в «слепоту Судьбы» и т.д. [17, p. 320].

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Поэзии Харди и Томаса присущи многие черты «английской линии»: в ней нередко используется лирическое «я», она стремится к простому, даже разговорному языку, часто окрашена в несколько мрачные тона, обращается к темам памяти, утраты, сожаления об уходящей старой сельской Англии; оба поэта черпали вдохновение из привычного, прежде всего из родной, хорошо знакомой природы, в которой, несмотря на современный скептицизм, пытались найти трансцендентное. Однако намеренно

они не противопоставляли себя модернизму. Томас, разделявший некоторые принципы модернистов и, будучи литературным критиком, выработавший свою концепцию поэзии, выбрал «золотую середину» сознательно, а Харди – вероятно, вследствие своего консерватизма. Несмотря на разницу в возрасте, их мировоззрение имело нечто общее, оба были также прозаиками, что отразилось в их стихах. Томас, знакомый с поэзией Харди, став по-этом, в некоторой степени мог на неё ориентироваться, поэтому между произведениями обоих поэтов существует определённая преемственность. Но и Томас мог повлиять на своего старшего современника.

Перспективы дальнейшего исследования могут заключаться в попытке показать преемственность между Томасом и последним «чистым» представителем «английской линии» поэтов (по мнению Дж. П. Уорда) Филиппом Ларкином.

Источники | References

1. Гарди Т. Избранные произведения: в 3-х т. / сост. Н. Демуровой; коммент. Н. Демуровой и Н. Дезен. М.: Художественная литература, 1989. Т. 3. Повести и рассказы; Стихотворения. 543 с.
2. Clark I. Thomas Hardy's Pastoral: An Unkindly May. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. x+217 p.
3. Coombes H. Hardy, de la Mare, and Edward Thomas // The Pelican Guide to English Literature / ed. by B. Ford. 3rd ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. Vol. 7: The Modern Age. P. 146-161.
4. Gervais D. Literary Englands: Versions of "Englishness" in Modern Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. xvi+280 p.
5. Hardy T. The Complete Poems / ed. by J. Gibson. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. xxxvi+1004 p.
6. Howarth P. British Poetry in the Age of Modernism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. x+224 p.
7. Keith W. J. The Poetry of Nature: Rural Perspectives in Poetry from Wordsworth to the Present. Toronto: University of Toronto Press, 1980. xii+220 p.
8. Kirkham M. The Imagination of Edward Thomas. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. xii+225 p.
9. Leavis F. R. New Bearings in English Poetry. Harmondsworth: Penguin Books, 1967. 192 p.
10. Longley E. Poetry in the Wars. Newcastle upon Tyne: Bloodaxe Books, 1986. 264 p.
11. Longley E. Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric. L.: Enitharmon Press, 2017. 302 p.
12. Marsh J. Edward Thomas: A Poet for His Country. L.: Paul Elek, 1978. xiv+226 p.
13. Motion A. The Poetry of Edward Thomas. L.: The Hogarth Press, 1991. x+198 p.
14. Smith S. Edward Thomas. L.: Faber and Faber, 1986. 222 p.
15. Thomas E. A Literary Pilgrim in England. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1917. x+330 p.
16. Thomas E. In Pursuit of Spring. Edinburgh: Thomas Nelson and Sons, 1914. 301 p.
17. Thomas E. The Annotated Collected Poems / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
18. Thomas E. The South Country. L.: J. M. Dent & Co, 1909. xii+280 p.
19. Ward J. P. The English Line: Poetry of the Unpoetic from Wordsworth to Larkin. L.: Macmillan, 1991. viii+217 p.

Информация об авторах | Author information

Талызина Елена Викторовна¹

¹ Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

Talyzina Elena Viktorovna¹

¹ Samara University of Public Administration "International Market Institute"

¹ elanor68@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): Томас Харди; Эдвард Томас; английская поэзия начала XX века; «английская линия» поэтов; Thomas Hardy; Edward Thomas; English poetry of the early XX century; "English line" of poets.